

РАССКАЗЫ

**Урок**

Автобус появился в густом тумане будто вдруг, из ниоткуда, или даже это был не автобус, а троллейбус... хотя нет, все-таки автобус. Мешая колесами сухой морозный снег с пудрой пыли, он подъехал к остановке – бледно-желтому бетонному кубу без одной стороны, и остановился.

Загородный пейзаж был погружен в спячку зимнего утра. Сухостой в дымке конденсата, зачершее серо-синее небо, расплывчатые очертания домов вдаль – все будто старалось не шевелиться и не привлекать к себе внимания. Только автобус у остановки подрагивал из-за работы двигателя.

Когда металлические двери открылись, из-за остановки вышли пять человек в форме, двое из них сразу спешно запрыгнули на задние ступеньки автобуса и двинулись внутрь салона. Еще двое заняли караульные позиции у передних и средних дверей, последний из этой пятерки поднял вверх толстую черную дубинку и зашагал с ней, как с факелом, вдоль автобуса, привлекая через боковое зеркало внимание водителя и призывая его не делать лишнего. Все пятеро действовали так слаженно, что их движения казались частью танца или перформанса, в котором все четко срежиссировано, даже неловкости и заминки.

Сзади к автобусу подъехал тонированный свежeweымытый автомобиль, а следом за ним припарковался микроавтобус.

Два человека в форме, вошедшие внутрь, пробирались сквозь пассажиров, которых, казалось, сразу стало меньше, как будто люди вжались друг в друга. Волна напряжения прошла по всему салону, и люди на передней площадке уже крутили головами, чтобы понять, что сейчас будет.

Чем глубже двое в форме пробирались в толпу пассажиров, тем резче были их расталкивающие движения плечами – как у гребцов, чья лодка только набирает скорость, взмахи весел с каждым разом становятся все быстрее и жестче. Тот, что шел спереди, был невысокого роста, с угловатым, суровым лицом и беспокойным взглядом. Второй был совсем молодой, младше двадцати, со светлыми волосами под шапкой из искусственного меха, веселыми глазами и тонкой бледной шеей. На ходу оба ритмично, нараспев, повторяли, будто читали стихотворение:

– Разрешите, разойдитесь, дайте проход, отойдите, разрешите, дайте проход.

В середине салона они подошли к неприметному мужчине лет пятидесяти, в плаще и зимней кепке. Замечтавшись, он не обращал внимания на поднышающую в автобусе суету и смотрел в окно. Двое схватили его за плечи и со сноровкой скрутили так, что руки мужчины ушли глубоко за спину, и из человека вышел то ли выдох, то ли стон.

Мужчину потащили к выходу, и он без сопротивления, а скорее даже спеша, двинулся вместе со своими захватчиками. Из его рук выпал пластиковый пакет и улетел кому-то под ноги, кепка свалилась с головы и отправилась туда же, выцветший старомодный плащ с подкладкой-утеплителем распахнулся. Пассажиры разом расступились кто куда, полностью очистив проход.

---

*Денис Бондарев родился в 1987 году на севере Польши. Окончил магистратуру «Литературное мастерство» в ВШЭ. Работал журналистом, штатно и внештатно сотрудничал с различными независимыми изданиями – «Сноб», «Афиша», «Нож» и др., публиковался в «Новом мире».*

Через пару секунд двое в форме уже спускались по ступенькам наружу, волоча за собой пойманного пассажира. До спуска человек в плаще, задыхаясь, кряхтел себе в грудь: «За что, куда, за что?», но тут все его слова смешались в манную кашу протяжного звука, переходящего то ли в стон, то ли в вой.

Все это случилось так быстро, что с момента открытия дверей прошло не больше полуминуты. Автобус хрипел на холостых оборотах, как курильщик, который решил вдруг пробежать десяток километров и теперь пытается прийти в себя.

Из темного легкового автомобиля, припарковавшегося сзади, вышли двое, оба в темных кожаных куртках из фактурной кожи, на их скучающих лицах еле уловимо блуждала брезгливость. Они остановились у капота машины, держась на некотором удалении от происходившего возле автобуса, и спокойно наблюдали.

К заднему выходу подошли двое, кто дежурил до этого у других дверей, и вместе они образовали небольшое кольцо вокруг согнутого пополам человека. Голова его опустилась почти до коленей, он шумно выдыхал в сторону снежно-пыльной крошки у себя под ногами.

В этот момент из-за бетонной остановки вышел плотный мужчина с рыжей щетиной на рыхлом, обрюзгшем лице. Его пальцы еще возились с молнией на штанах, которая заклинила и не давала застегнуть себя до конца. Подойдя к автобусу, он наконец отпустил ширинку и пристально, с озабоченным видом уставился сверху на спину человека в плаще.

Руки пассажира ослабили, и он почти полностью выпрямился. Как только напряжение в суставах спало, у него сразу выступили слезы, как будто вдруг появились силы на жалость к себе. К шедшему из него мычанию добавились булькающие всхлипы.

– Что я, я, я? Опять я, да, блять? – с нарастающим раздражением спрашивал мужчина с рыжим лицом. – Что вы мне тут мямлите, а? Ведь особенность ее в том, что она регулирует отношение одного человека к другому. Я спрашиваю: сколько можно, а, блять? Ведь неслучайно говорят, что она начинается там, где один человек сделал что-то доброе, да блять? Сколько это будет продолжаться, а?

На секунду повисла пауза, а потом он коротким боковым ударил в щеку человека в плаще. Из пассажира вместе с протяжным выдохом вышло емкое «у-у-о-о-о-о-х-х-х-х-х». Тело его будто попыталось вырваться из чужих рук, чтобы последовать за инерцией от удара, но держали его крепко, поэтому он только мотнулся из стороны в сторону, а потом обмяк. Двое охранников скривили лица и отклонились назад, как будто часть удара пришлось и на них. Через секунду человека в плаще перестали держать, и он мягко опустился на смешанный с пылью снег.

Нанесший удар мужчина шагнул назад, вышел из кольца людей, как бы удалился, завершив свое дело, а круг возле человека сразу опять замкнулся, и происходило все это так четко, будто тоже было отрепетировано.

Остальные четверо в форме вытащили дубинки и после короткой паузы один за другим посыпали удары на тело лежащего. Это как бы разбудило пассажира, спрятавшегося на секунду под плащом, он стал дергаться, извиваться и от него пошел безостановочный протяжный звук – то ли вой, то ли визг. Казалось, звук этот издает не человек, а древний музыкальный инструмент, из которого извлекают звуки с помощью коротких ударов.

В этот момент желтый цвет автобуса сам собой стал меняться – сначала поблек до розового, потом начал набирать все больше яркой красноты, а дойдя до густого кровавого цвета, в нем стало появляться все больше тяжелого фиолетового холода, и тогда же местами снова проступила желтизна.

Люди в автобусе замороженно следили за происходившим снаружи. За стеклом в салоне белела россыпь пятнистого жемчуга широко раскрытых глаз. Лица распахнулись навстречу внезапному зрелищу. Никто не шевелился, только старинный дед пробирался сквозь толпу к выходу, из которого только что вытащили человека. Подойдя к верхней ступеньке, дед схватился сухой рукой за поручень, прижался к нему, еще сильнее прищурил подслеповатые глаза и тоже замер,

рассматривая людей, двигавшихся в мрачном ритуале снаружи. Морозный воздух быстро заползал в раскрытые двери, и изо рта деда стали выходить маленькие облачка пара.

К шлепкам дубинками скоро добавились удары ногами. Одни пытались носком пробраться вглубь тела человека на земле, другие каблучком опускались куда попало. Но увлеченности в этом процессе не чувствовалось, казалось, происходившее было чем-то обыденным – скорее старым отработанным номером, чем показательным выступлением на премьере. Работавшие дубинками над телом будто бы хотели только поменять его форму, а не разрушить, поэтому били трезво, не увлекаясь слишком, не теряя аккуратности.

Мужчина с рыжей щетиной закурил сигарету и отошел к стоявшим у тонированного автомобиля. Человек в форме, все это время дежуривший у передней двери и державший контакт с водителем через боковое зеркало, прижал свою дубинку к окну на уровне лиц сидевших за ним пассажиров и двинулся вдоль автобуса. Дубинка скребла по замороженному стеклу, стучая по нему каждый раз, когда перескакивала металлическое разделение между отсеками окон, и оставляя за собой ломаную кривую на тонком слое инея. Двигаясь так, он медленно и почти распевно, настойчиво, но при этом с улыбкой, говорил:

– Граждане, автобус продолжает следование до конечной остановки, все пассажиры должны оплачивать проезд сразу после начала поездки, на линии работает контроль.

Удары почти закончились, только один из четверых людей в форме еще опускал дубинку на обхватившие голову безжизненные руки человека. Звук тот уже не издавал и, кажется, вообще потерял сознание. Тогда последний работавший отшагнул назад и с размаха пнул носком ботинка в низ живота лежавшего на земле, как бы ставя так точку в этом деле.

Замолкший было человек в плаще не только проснулся, но и взвыл громче, чем в любой из моментов до этого. Все его тело напряглось и как будто попыталось свернуться к своей серединной точке. Когда у него не получилось залезть так внутрь себя, уйти внешним телом во внутреннее, тогда он снова стал извиваться, нигде не находя себе места. Песочный плащ весь стал темным от влаги, его подкладка отстегнулась, вывернулась и торчала наружу, как часть тела, которая пытается сбежать от своего хозяина. Снег под человеком растаял, и теперь он распластался в центре влажного асфальтового пятна.

Люди в форме глубоко дышали и расстегивали куртки, чтобы пустить свежий воздух к своим разогретым телам. Пар длинными столбами выходил из их раскрытых ртов. Когда человек на земле затых, они обернулись к курившему у машины мужчине с рыжей щетиной, тот сделал движение ладонью в сторону автобуса, как будто смахнул крошки со стола, и те же двое, что выгаскивали пассажира из автобуса – высокий парень с веселым взглядом и его беспокойный напарник – подхватили под мышки лежащего на земле и волоком потащили его по ступенькам обратно в автобус. Человек не реагировал и не сопротивлялся.

В салоне все пассажиры прижались друг к другу настолько, что казалось, будто людей в автобусе стало еще вдвое меньше. Все втянули воздух и задержали дыхание, замерли, перестали как-либо проявлять себя, только очень внимательно наблюдали за происходившим рядом.

Человека дотащили до того же места, откуда его забрали пять минут назад, и оставили на полу автобуса. Обтерев руки о штаны, двое в форме двинулись к задним дверям. Перед тем как выйти, высокий обернулся и крикнул поверх голов на весь автобус:

– Так будет с каждым, – и, как будто специально оборвав фразу, закивал головой, поводит своим задорным взглядом по прячущимся лицам пассажиров и вышел.

Второй, с суровым лицом, тоже обернулся к пассажирам и добавил:

– Аккуратнее толпитесь там возле него, кажется, он обоссался, – и вышел вслед за напарником.

Человек в плаще не шевелясь лежал на мокрой резине. На его ладонях дулись гематомы и густели разводы кровоподтеков. От смотревшего в потолок левого уха к воротнику голубой рубашки спускалась струйка крови и дугой уходила вниз по шее. Туфля с левой ноги почти слетела, от этого была видна затертая пятка серого носка. Люди вокруг стали по-театральному медленно,

осторожно приближаться к нему, как будто боясь, что человек может вдруг вскочить и броситься на них.

Сверху резко раздался женский голос:

– Подъем. Я кому сказала, вставай. Поднимайся. Ну. Давай-давай.

Пространство вокруг плаща песочного цвета пошло волнами, начало расплываться и темнеть. Казалось, что рядом с человеком на полу автобуса все вдруг стало жидким, поверхность этой жидкости тронул ветер, и все очертания на ней поплыли. Затем потерял четкость и сам человек, слившись с неразличимым уже салоном автобуса, и только по нескольким темным пятнам на плаще можно было как-то выделить его в окончательно терявшем фокус пространстве. Но и это исчезло в яркой вспышке мерцающего белого света, залившей сразу все.

Эту спящую пелену, как спицей, пронзило резкое колющее чувство в правом плече. Тело эхом отозвалось на него толчком где-то глубоко внутри. На секунду все стало медленным и будто глухим, тягучим, совершенно неразборчивым. А потом картинка снова начала собираться во что-то целое и быстро проясняться.

Перед глазами была бледно-зеленая плоскость парты, на ней – книга, тетрадь и ручка, справа от стола – клетчатая юбка Алины Сергеевны, над ней – сама учительница, ниже – ее обтянутые колготками ноги. На лице Алины Сергеевны было знакомое выражение – то ли недоумение, то ли возмущение, губы ее брезгливо изгибались. В правой руке учительница сжимала длинную деревянную указку, угрожающе направленную вверх.

– Ну и что мы спим? А, Кораблев, что спим, говорю? Тихий час? – спросила учительница.

– Я не... – хотя тело уже напряглось, голова еще нормально не соображала, и ответить не получилось.

– Начинается. Я, я, я, что я? Вставай и иди спать в другое место, у меня на уроках такого не надо. Давай вставай, хватит тратить чужое время. Скорее.

Голос учительницы становился все более раздраженным, спорить смысла не было. Дима Кораблев вытащил из-под парты рюкзак, смахнул в него учебник по обществознанию и остальное, что было на столе, накинул ляжку на плечо и встал. Делал он это неспешно, еще медленнее он шагнул от своей парты в сторону заднего ряда. Чтобы ускорить выдворение, учительница уперла конец указки между лопаток школьника и немного надавила, как бы поторапливая его.

– Исчезни уже, бездарь.

Он прошел за последними партами к дверям входа, класс с любопытством следил за ним. У двери Кораблев обернулся: лицо учительницы все еще было возмущенным и от этого казалось глупым – как будто спящего человека она увидела впервые, и это оказалось для нее невыносимым зрелищем. Школьник глянул ей в глаза, буркнул «до свидания» и открыл дверь.

Выйдя из класса, он оказался в широком коридоре. Бетонный пол с вкраплениями мрамора, крашенные до середины стены, тюль по бокам окон, типовые люстры высоко под потолком. Дима двинулся к лестнице.

«Зачем сняты сны? – подумал он. – Зачем такие сны сняты?»

Яркий полуденный свет проходил сквозь мелкие отверстия штор, как сквозь матерчатые соты, и ложился на холодную поверхность стен и пола. Справа от школьника одна за другой проплывали двери школьных кабинетов. Впереди угловатое казенное помещение коридора резко поворачивало к лестнице.

За углом, у доски с расписанием, стоял одноглазый Святослав. На одной из линз его очков была накладка с пестрым изображением летящего Спайдермена. Глаза не было всегда, выбил он его еще маленьким и ничего не помнил об этом. Мальчик был на два класса младше Кораблева. В школе самым удивительным про Свята считали то, что своего дефекта он совершенно не стесняется и относится к нему как к чему-то обычному. А кроме этого, в отличие от всех в школе, он совершенно не замечал очевидную местную иерархию, выстроенную по возрасту и силе, поэтому мальчик одинаково обращался как к старшеклассникам, так и к младшим – прямо и немного с вызовом. Над ним смеялись, мол, чтобы понять, как все устроено в мире, ему не хватает одного

глаза, что он не может разглядеть половины всего, поэтому и ведет себя как блаженный, но Свят на все это не обращал внимания.

Услышав шаги Кораблева за спиной, одноглазый Свят развернулся к нему и спросил:

– Ты че с рюкзаком? Выгнали?

– Не твое дело, косой.

– Понятно, выгнали, – лицо Свята растянулось в улыбке, как будто с Димой случилось что-то веселое.

– Всажу тебе, – сказал Кораблев без злобы, поднял кулак к плечу и чуть потряхнул им, проходя мимо.

– Есть курить?

– Косой, не до тебя ща, свали.

Впереди была лестница. Дима побежал по ней вниз, перебирая ногами ступеньки, и думал: «Почему он не стесняется? Такое уродство же, а он как будто и не вспоминает о нем. Я бы жить с таким не смог, а ему нормально. У косых что-то по-другому. Что ему снится? Какие сны снятся слепым?» На площадках между этажами школьник хватался за изгиб перил и закручивал тело на прямой руке, как на карусели с креслами на цепочках, неся так себя к затертым ступенькам нового пролета.

Последний ее марш выходил в другой коридор с огромным пространством раздевалки, которое было условно разделено на отсеки для учеников разных классов. Подвешенные на крюках куртки напоминали мертвых животных. Диме всегда казалось, что это самое зловещее место в школе, как будто здесь всех раздевали, чтобы дальше с детьми было проще делать то, что нужно им, что тут всех готовили к неприятной процедуре.

Школьник снял с вешалки куртку, на ходу накинул ее, прошел через рамку металлоискателя мимо залипшего в телефоне охранника, толкнул одну металлическую дверь со стеклами, вторую, и оказался на улице.

Весна всего пару дней как перестала растекаться во все стороны, став просто влажной. Повсюду было непривычное облако запахов, особенно заметное после застывшего в школе монотонного духа хлорки. Шедшие на улице со всех сторон свежесть и яркость давали настойчивое предчувствие радости. Диме сейчас это было особенно близко и созвучно, потому что уже несколько недель у него было непривычное, еще не разгаданное им до конца чувство, но которому он уже вполне определенно мог дать объяснение, которое понятно откуда бралось. Он впервые переживал такое, от этого было тревожно и непонятно, что оно с ним сделает и как с ним быть, но быть с ним было приятно – беспокойно, но приятно. Чувство можно было сравнить с чем-то постоянно звучащим внутри – то ли с песней, то ли с зовом.

За углом школы была спортплощадка, повернув к ней, школьник пошел мимо темно-коричневого, еще не освободившегося от луж футбольного поля к дальним скамейкам, которые составляли три яруса трибуны. Там был теплопункт, который отгораживал, как бы защищал пространство с брусками и турниками от внимательных окон школы. На лавках здесь собирались те, кто уже утверждал себя во взрослой роли и особенно спешил жить: после уроков и на переменах – старшеклассники, полноправные владельцы этого места, во время уроков и вечером – более робкие пока все остальные.

Кораблев обогнул теплопункт и направился к деревянному брусу полосы препятствий, возвышавшемуся над влажной землей на вкопанных металлических трубах. За спиной школьника было футбольное поле, а за ним – школа. Метрах в двадцати спереди – забор из сетки рабицы, натянутой на ржавый металлический уголок. Прозрачная ограда ровным прямоугольником ограждала территорию школы от остального мира. За ней была сплошная стена панельных многоэтажек, которая еще одним квадратным, но уже куда более основательным контуром опоясывала школу. Из бесконечных окон домов, как с трибун колизея, открывался вид на спортплощадку школы. Сейчас на этой арене Дима был один.

Посмотрев немного сквозь сетку на знакомый двор, он занялся делами: вытащил из джинсов телефон, проверил сообщения и положил его на брус рядом; достал зажигалку и пачку сигарет, уверенным движением вытащил одну и закурил. Сделав несколько сосредоточенных затяжек, он отложил пачку на загоравшийся новыми оповещениями экран смартфона, вынул из кармана складной бордовый перочинный нож с эмблемой-крестом. Открыл самое крупное лезвие, покрутил подготовленное орудие в руке. Металлическая плоскость с обеих сторон была покрыта густой сеткой мелких, свежих царапин: последний раз Дима точил его сегодня утром. Мальчик потрогал лезвие в разных местах, нажал подушечкой пальца на его острие – как будто бы только знакомясь с ним.

Закончив изучать нож и убедившись в его надежности, он сдвинулся назад, освободив у себя между ног поверхность деревянного бруса, на котором сидел. Приметившись, он воткнул острие в сырое дерево и провел короткую линию. Вынул лезвие, воткнул рядом, провел еще черту, затем еще две – получилась буква. Сигарета висела у него на губе, пепел на ней не выдержал собственного веса, сорвался вниз на бедро Димы и покатился по нему, теряя остатки своей цилиндрической формы и разваливаясь на бессмысленные частицы. Дым шел в левый глаз, и мальчик щурил его, одновременно широко распахнув другой.

Через минуту он остановился, как бы оценивая свое дело. Вытащил из губ сигарету, стряхнул пепел, посмотрел на два вырезанных на дереве коротких имени. В одной руке у него дымилась сигарета, из другой – торчало лезвие ножа. Посидев так немного, он прочертил лезвием на сыром дереве между двумя именами плюс, замер еще на пару секунд и обвел вырезанные буквы ободком в виде сердца.

### Потеря управления

Кривой ежик усов Анатолия опустился в полную кружку чая. Часы на столе один раз пикнули, значит, выходить через пятнадцать минут. Сделав глоток горячего, Анатолий задумался, пахнет ли сладкий чай, и если да, то сколько такого аромата останется у него в усах, если дать каплям высохнуть? Затем он аккуратно поставил кружку на кухонный стол, скосил глаза вниз, на усы, поблескивающие влагой, и подумал, что давно пора бы их подстричь.

– Наверяд ли уже успеет, так и будет торчать до середины мая без дела, да какой – до конца мая. Да и потом непонятно что. Так, не жизнь, а непонятно что, – подытожила жена Анатолия. Она стояла к нему спиной и помешивала свой гастритный завтрак – овсяную кашу, варившуюся в ковшике на плите.

– Да, – протянул Анатолий, держась за ручку кружки.

Пестрый синтетический халат его жены был расцвечен множеством ярких многоугольников – синих, красных, желтых и фиолетовых. От бесконечных стирок он потускнел, поэтому цветные фигуры будто бы проглядывали сквозь облака. Анатолий подумал, что этот халат хорошо подходит и к покрытым пылью зеленым бляшкам листьев комнатной березы, стоявшей на подоконнике, и к разболтаным дверцам шкафчиков, и к его ежедневным сборам на работу, и к гастриту жены, и вообще ко всему, что происходит на этой кухне.

Он глотнул еще чая. В рот попала чайинка. Указательным пальцем Анатолий снял ее с кончика языка, скатал в комочек и незаметно пульнул в щель между холодильником и стеной. Посмотрев вслед чайинке, в глубь темноты за холодильником, он представил, что когда-нибудь, уже скоро, там скопится гора таких песчинок, и в конце концов очередная брошенная чайная крошка вызовет обвал этой горы и его, Анатолия Сергеевича Чижова, смоем черным чайным потоком и унесет куда-то далеко с этой кухни.

– Вот почему он так относится, не понимаю? Мы же его так не воспитывали, – снова заговорила жена Анатолия. – Причем речь не про других даже, к себе отношение странное. Беззаботная глупость, вот что это. Звоню ему вчера, разговор в итоге заходит об их отношениях, я ему говорю:



Леш, сынок, не думай, что жизнь сама собой построится, принял бы решение уже, не первый год ведь вместе. Ты либо женись, либо перестань девочке голову морочить. Я же ей как женщина сочувствую, понимаешь? Это ведь, получается, просто совместная аренда квартиры, как будто только б с родителями не жить. А он, как всегда, раздражается, замахала, говорит. Понял, замахала? Вырастили на свою голову. А для девочки что это? Вообще уму непостижимо. Всеми приемлемое блядство, иначе и не назовешь. И чем это все закончится? А ничем, накушаются друг другом до тошноты и разбегутся. А времени сколько ушло? А для нее – и столько лет потеряно, и с мужиком жила, а замуж не вышла. Он мне на это опять свое: отстань, двадцать первый век, ты ничего не понимаешь. А что тут понимать, как будто в людях что-то изменилось. Короче, так, не пойми что...

Анатолий смотрел на неухоженную после сна прическу жены. Откуда-то взялась мысль, что волосы и голова женщины сейчас могут начать рассыпаться, причем даже не на отдельные волосинки, а на песчинки или пиксели, а вслед за ними то же начнет происходить с халатом, с телом под ним, с газовым пламенем вокруг конфорки, с самой плитой, стенами, покрытыми синей плиткой и моющимися обоями, со стеклянным электрическим чайником, с коробками чайных пакетиков рядом. Пиксели угловатыми снежинками посыпятся с побеленного потолка кухни, смешиваясь с разноцветными останками всего остального на полу и превращаясь в случайную смесь всего, что составляло это утро.

Он встал с табуретки и с кружкой в руке подошел к окну. Большую часть вида за стеклом составляла серая полоса панельной многоэтажки, над которой была голубая потоньше – небо. Анатолий привычно пробежался взглядом по окнам соседнего дома, надеясь подсмотреть в чужих квартирах что-то интересное, почувствовать что-то через других. Было бы неплохо увидеть ссору или даже драку, может быть, чей-то секс, или, хотя бы, чтобы какие-то вещи улетели с веревки для сушки вниз, а их хозяин загрузил на балконе.

– Господи, я вчера новости включила – как ни старайся их не смотреть, все равно натыкаешься. И это жуть, просто жуть. Хуже таких новостей только эта моя овсяная баланда каждый день. Украина, Сирия, Америка, Украина, Сирия, Америка, одно и то же, одно и то же. Снова взрывают, снова обещают, снова нарушили, выступили с заявлениями, и так по кругу. Почему мне это показывают постоянно, не понимаю... Как думаешь, может быть, что мы с Украиной по-настоящему разругаемся? Хотя Донбасс уже есть, куда еще-то. Ну, в смысле, что мы, не знаю, по визе ездить к ним будем? Там ведь тетка, и Олеська, и Евсюковы, и твоих еще сколько... Привыкаешь ко всему этому, но это ж уму все непостижимо, если вдуматься.

Анатолий глотнул чая и представил, как от начала белой полосы в небе вдруг отделилась точка, маленькая серая фигурка, которая постепенно росла, увеличивалась, приобретала очертания самолета и двигалась в его сторону. Вот из неразборчивой закорючки самолет вырос до размеров нательного крестика, а вот он уже в треть голубой полосы над соседним домом, и, присмотревшись, можно различить панорамные окна кабины пилотов, в которой две пары напряженных рук пытаются что-то сделать со своими штурвалами.

Самолет с четырьмя черными дырами турбин сравнялся в размерах с панелькой напротив, и Анатолий представил, что от нарастающего гула уже трясутся стекла в деревянной раме его окна. Он еще приблизился к подоконнику и крепче сжал кружку в руках.

Это летящее к Анатолию, набирающее размеров и значения событие прямо говорило бы, кричало, что все вот-вот изменится, что мира, каким он его знал, больше не будет. Пока непонятно как, но всё сейчас начнется заново: рухнут бестолковые связи, закончится бессмыслица и пугающая необратимость всего происходящего. Что его бессистемное существование вдруг превратится в долгий путь к этому дню. От этих мыслей волнительное возбуждение стало подниматься в груди Анатолия.

– На следующей неделе анализы сдавать, – сказала жена, выключив огонь под ковшиком с кашей, – знал бы ты, через что я каждый раз прохожу с этой «кишкой», какая пытка – шланг этот глотать. Из глаз слезы, рвотные позывы не прекращаются, руки дергаются, схватиться за что-то пытаешься, а хвататься-то не за что, и медсестра еще держит. Господи, за что мне это наказание.

Гул двигателей и свист от движения гигантской машины нарастал, до катастрофы оставалось последнее мгновение, которого хватило бы только на то, чтобы почувствовать значимость происходящего. И когда Анатолий уже видел черную надпись названия на фюзеляже, самолет на мгновение скрылся за серым прямоугольником соседней многоэтажки, чтобы сразу же вырваться с другой ее стороны и выставить свою покореженную металлическую морду под окна соседнего дома.

«Случилось», – единственной мыслью пронеслось в голове Анатолия. От столкновения самолета с панелькой пошла ударная волна, которая тряхнула мужчину, сдвинула холодильник рядом с ним, качнула люстру под потолком.

Продираясь сквозь дом, самолет крушил бы весь устоявшийся десятилетиями пыльный быт людей, в окнах которых ничего не происходит. В воображении Анатолия лопался пластик плазменных телевизоров, острые углы искореженного железа рвали хранившиеся в шкафах пальто, люстры лопались бы между бетонными плитами и рассыпались на мелкие стеклянные крошки. Широкие трещины на стенах дома быстро превращались в разломы, и бетонные айсберги расползались бы в разные стороны у него на глазах, а воздух наполнил хруст лопающейся штукатурки.

Верхняя часть потерявшего равновесие дома посыпалась каменным дождем во двор, погребая ряды припаркованных автомобилей. Фрагмент здания размером в пару этажей обвалился на хвост самолета, переломив его и сбросив на дорогу с другой стороны панельки. Изнутри изуродованной многоэтажки, из разорванных труб водоснабжения брызнули сразу несколько фонтанов.

– Последнее время по утрам в автобусах давка жуткая. Откуда люди берутся – не пойму, вроде лето, все разъехаться должны, а тут здрасти-пожалуйста. Я сначала думала, что это какие-то разовые акции, но нет, народу меньше не становится, – говорила жена Анатолия, накладывая кашу в тарелку. – Может, у нас жилой комплекс какой тут заселили, не знаешь?

У Анатолия перед глазами мелькали лица жителей соседнего дома, которых он встречал в разных обстоятельствах. Сурового мужика, каждое утро натиравшего лобовое стекло своей машины, улыбчивую кассиршу из магазина на первом этаже, малышню, целыми днями ползавшую по детской площадке. Представил чувство девушки в коротких домашних шортах вон из того окна, когда после жуткого толчка и грохота она упадет на пол, а потом почувствует, как пространство поплыло куда-то вместе с ней. И следом Анатолий почему-то вспомнил, как от рака умирала его мать – просыпалась по ночам, бесконечно ощупывала одеяло и простынь, как по-детски кривила сохшееся лицо, когда говорила о сосущей боли в спине и просила сделать внеочередной укол морфина.

– Этот пресный вкус достал уже. С каждым обострением надо заново учиться пихать в себя эту кашу. А я вообще-то жареное люблю, запивать отбивные томатным соком и кофе с шоколадом потом. Жизнь бессовестная. И жестокая, – сказала жена, готовясь проглотить первую ложку каши. – Толь, ты меня слышишь?

Анатолий выскочил из своего подъезда и бросился через двор, наполнявшийся новыми, все более густыми облаками каменной пыли, побежал к соседнему дому, ориентируясь на женский крик, самый громкий из всех звуков вокруг. Ноги заплетаются и подкашиваются из-за того, что бежать приходится по полю из камней разного размера. Он видит гору обломков бетона возле стены, из которых выглядывает крыша темно-синего автомобиля. Под камнем зажат серый от грязи тюль, рядом – сплюснутая микроволновка, куски цветастого кафеля, душевая лейка, деревянный корпус аудиосистемы. Он останавливается и прислушивается, чтобы понять, откуда именно доносится женский голос, этот протяжный крик. И тут сверху раздается отвратительный металлический скрежет. Анатолий поднимает голову и видит, как на него, будто выпавшая с чьего-то балкона, летит одна из здоровенных турбин самолета, в центре которой он различает короткую белую спираль, замершую, потому что двигатель не запущен и лопасти не вращаются.



Анатолий увидел себя со стороны: мужчина стоит на куче камней, на него сверху опускается огромный цилиндр. Бам. Встреча турбины с телом совсем не замедляет ее движения, слышен только грубый звук удара металла о бетон. Анатолий представил свое последнее мгновение перед смертью – и ничего не почувствовал. Он закрыл глаза и вернулся в эту сцену еще раз, вообразил все в деталях, удержал в голове – ничего. Фантазия была такой яркой, но не вызывала ни отторжения, ни грусти, ни обиды. Прокрутил ее еще раз, внимательно прислушался к себе – и наконец почувствовал, как внутри еле заметно расходится чувство жалости к себе от того, что никаких чувств в нем так и не нашлось.

Он открыл глаза, и пока картинка внешнего мира снова собиралась в целое и прояснялась, что-то белое мелькнуло мимо окна, пролетело по диагонали вниз. «Самолетик», – пронеслось в голове у Анатолия. Он прижался лицом к стеклу, надеясь рассмотреть бумажную модельку, убедиться, что ему не показалось. Но за окном ничего не было.

– Что там, Толя? Бэтмен пролетел? – спросила жена Анатолия, спешно доедая кашу. – Ты на работу не опоздаешь?

– Да, – ответил Анатолий, глядя в окно, – надо идти уже, – он медленно развернулся в кухню. – Как думаешь, это нормально – не бояться умереть?

– Чего, умереть? Ну... не знаю, бояться умереть нормально. Если этого не бояться, то чего бояться-то вообще? – попробовала пошутить она. – Я боюсь смерти. Особенно когда «кишку» иду глотать, там до смерти полшага всего.

Анатолий допил последние глотки чая, стер с усов капли влаги и нащупал там еще одну застрявшую чайинку, скатал ее в маленький комочек и кинул на дно кружки.